

İQTİSADİYYAT**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОНЯТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ****Г. Б. РУСТАМБЕКОВ***Бакинский Государственный Университет
haji_@mail.ru*

В статье сопоставляются различные концептуальные подходы к характеристике движущих сил социально-экономического развития. Аналитический обзор позволяет прийти к выводам о потенциале и эффективности национальных экономических интересов в ходе трансформационных преобразований, формирования обобществлённой и конкурентоспособной экономики. При этом значительное внимание уделяется взаимодействию формальных и неформальных институтов, а также мерам обеспечения идентифицированного национального экономического саморазвития.

Многообразные и неотложные задачи достижения нового качества экономики и ее эффективного функционирования в трансформационных обществах порождают массу противоречивых суждений. Вполне понятно преобладание в них практицизма, предполагающего перечень мер, направленных на достижение быстрого и результативного скачка вперед. Но реальность всегда оказывается сложнее и доказывает, что для этого чрезвычайно важны теоретические изыскания и выработка научно обоснованной стратегии развития. В то же время какой-то готовой теории постсоветского трансформационного процесса не существует. Более того, такого рода теория не может возникнуть на базе установок, господствовавших в советской обществоведческой, в том числе экономической науке. Необходимо более объемное поле теоретических и методологических поисков, благодаря которым можно было бы обозначить пути выхода народов, восстановивших свой государственный суверенитет, на след собственного национального развития и нахождения своего места в мирохозяйственном процессе. Прежде всего, следует освободиться от ряда шаблонизированных стереотипов в характеристике социально-экономических явлений, которые регистрировали законы производственных отношений, независимые не только от воли и сознания отдельных людей, но и целых народов, наций. Последние в подобных абстрактных, а потому и космополитических, конструкциях как бы теряли какую-либо избирательность, возможности самостоятельного жизнеустройства, перспективы развития и участия в мировом хозяйстве в соответствии с присущим каждой нации генетическим кодом развития. Этот код, вбирающий в себя эволюционные вехи и адаптационные

традиции хозяйственной жизни, обеспечивает устойчивость коммуникационного каркаса национальной экономики при всех стадиях её развития. Он передаётся в виде не материального наследства, а исторической памяти народа, содержит опыт поколений, испытанные критерии перемен, собственную мотивацию развития, воплощаемую в национальных экономических интересах. Безусловно, они ведут и не могут не приводить к изменениям в системе экономических порядков. Как писал Фридрих Лист, «раз признано существование наций с их условиями бытия и их интересами, необходимо допустить и изменения экономики человеческого общества согласно им» [14, 116]. Именно интересы нации прокладывают дорогу хозяйственным процессам как совокупности технико-экономических факторов и социально-культурных традиций ведения хозяйства [16, 26].

Ортодоксальные экономические теории однозначно связывают развитие общества с достигнутым уровнем производительных сил. Такова концепция К.Маркса, выдвинувшего закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, на основе которого выделялись способы производства, общественно-экономические формации. В современной же экономической теории широко распространена концепция разграничения типов национальных экономик, в которой акцентируются особенности развития стран, вытекающие из характерной для отдельных цивилизаций национальной локализации культур (включая экономическую культуру) и традиций (в том числе производственных). Цивилизационная, а вернее этно-цивилизационная концепция, как, впрочем, и формационная, включает в себя комплекс экономических, политических, правовых, культурных, религиозных и прочих форм человеческого общения. Принципиальное значение имеет другое: когда говорится о этно-цивилизационных параметрах экономического развития, то всем указанным формам придается равноправное значение, между ними не устанавливается жесткая структурно-функциональная зависимость. Преимуществом подобного подхода выступает постулат варибельности развития, который находит отражение в различных действующих моделях национальных экономик. Отсюда и пристальное внимание к изучению специфики и проблем социально-экономического развития отдельных народов и стран, которое встречается у представителей многих экономических школ, особенно институционального направления - М.Вебера, В.Зомбарта, С.Витте, У.Ростоу, Р.Барра, Э.де Сото. В последнее десятилетие знаменитый перуанский экономист Эрнандо де Сото выступает наиболее заметным выразителем идеи, что не существует какого-то единого для всех пути развития, а есть лишь ряд общих принципов развития, которые нельзя использовать шаблонно, без признания специфики своей страны. Специфика же воплощена, прежде всего, в людях, их национальной принадлежности как причастности к реальным хозяйственным процессам «*in concreto* - здесь и там, сегодня и в прошлом» [18, 214]. Она содержится в интересах и стимулах, «которые давали определённое направление всему жизненному строю и заставляли индивида строго держаться за него» по Веберу [4, 138] и проявлялись в «коллективной практике, естественно развивавшейся в отдельных странах от поколения к поколению» по де Сото [21]. В обобщённом виде эти моменты находят отражение в конструкции Р.Барра при его характеристике нации как центра привилегированной сплочённости людей

по экономическим, политическим, духовным причинам [3, 34]. Подобным центром, с марксистской точки зрения, выступают классы, откуда выстраивается и гносеологическая (теоретическая познавательная) основа классового сознания с «выделением и отстаиванием» общих интересов, фабрикуемых механизмом неотвратимых экономических законов. При этом «личные интересы, - как писал К.Маркс, - всегда развиваются против воли личностей в классовые интересы, в общие интересы, которые приобретают самостоятельность по отношению к отдельным лицам» [15, 234]. Получается, что «общие интересы», обладают некоей самодеятельной сущностью вне человеческой субстанции, что В.Ойкен справедливо называл какой-то «мистикой» [18, 87].

Изучение хозяйственных условий в органической связи с экономическими интересами людей уже в исходной предпосылке предполагает исследовательскую линию, в которой постоянно присутствует взаимодействие всех сфер жизни человека, производственно-экономических и социально-культурных процессов. Наиболее адекватной во всех измерениях структурой для подобного взаимодействия выступает нация. Интересы нации являются более глубокими и общими, чем интересы какой-либо социальной группы, класса или организации [16, 108]. Последние преходящи, не содержат генетической преемственности в формировании того идентифицированного самосознания и тех поведенческих стереотипов человека, посредством которых формируется национальное экономическое мышление. В принципе, мыслить национально означает мыслить исходя из национальных экономических интересов, обеспечивать этим интересам условия реализации при решении хозяйственных вопросов на всех уровнях, во взаимоотношениях с деловыми партнёрами в стране и за рубежом, управленческом согласовании производственных, социальных, экологических мер. Национальное мышление в переходный период, обладая рядом особенностей, объективно нацеливается на формирование системы институтов, в которых мотивационные установки граждан приобретают интегрированный и едино-направленный контекст.

В своей концептуальной основе, то есть в качестве системы взглядов, национальное экономическое мышление складывает отличающийся подход к предмету и методу экономической теории. Он состоит в обращённости исследований на очерченное и определённое пространство, в котором человек находит поле для деятельности, продолжающей эволюцию хозяйственных связей и форм их реализации как свою функциональную предпосылку и базу деятельности. Речь идёт не только о материальных предпосылках, но и тех неформальных институтах, которые селективно состоялись на протяжении многих веков. Они несут в себе важнейшие исходные параметры национальных экономических интересов, достижение которых связано с приобретением политической свободы (суверенных прав) самовыражения и эффективных форм его производственного подтверждения. Микро, мезо, макро, мега – экономические связи предстают в данном спектре как уровневые структуры коррелированного режима достижения единичных, корпоративных, национальных и глобальных экономических интересов человека. Производственные связи, которые невозможны вне установления формальных институтов, выступают в этой ситуации не как исключительно заданные уровнем развития производительных сил в их материально-техническом выражении. Производительные силы в ещё

большей степени оказываются связанными с формальными и неформальными институтами, то есть экономическими, социальными, политическими, гражданскими законами и учреждениями, устанавливаемыми в национальной среде. В подобном ракурсе проблемы общественных переходов и развития разрешаются не методами классовой борьбы, а концентрацией усилий в достижении общенационального прогресса. Неизбежное при таком подходе введение в исследовательскую лабораторию блока социально - культурных факторов развития, безусловно, расширяет методологическую базу экономико-теоретических исследований, придавая им характер системного синтеза. В современных условиях такой метод, который, в общем-то, не нов, просто неизбежен, в связи с чем стоит отметить, что утверждения, будто «политическая экономия не страноведение» [11, 7] и только эмпирические экономические формы переплетаются с такими «верхними» слоями общественных отношений как национальные» [19, 98] нельзя считать достаточно корректными не только в призме решения постсоветских экономических проблем. Становится всё более очевидным, что апелляция к производственным отношениям в рамках способов производства, выражающих классово - интернациональные интересы, в глобальном мире, где конкурируют национально обобществлённые и преследующие национальные интересы экономики, не состоятельна. Нации, их измерения в рамках эволюции цивилизаций, в современном мире превалируют в решении и экономических проблем, о чём можно судить даже по периметрам международной экономической интеграции. Для постсоветских стран данная тематика особо актуальна.

Отстранение от специфицирующих национальных факторов хозяйственной жизни дало основание для представлений о том, что национальные интересы – это всего лишь камуфляж для интересов доминирующих социальных групп. Негатив подобного подхода имел не только методологические, но и практически - хозяйственные последствия. В советской экономической идеологии, как известно, всегда преобладали уравнилельные измерения общественного устройства во времени, что препятствовало реальному и всестороннему пониманию хозяйственной ситуации. Временной аспект, отражающий процесс становления и восхождения, прохождения последовательных ступеней прогресса и регресса способов выступал в качестве главной нити рассуждений. Это было неизменным моментом верификации «экономизма» К.Маркса, предельно однозначно утверждавшего, что «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [15, 7]. Многими, в том числе социал-демократическими авторами (Э.Бернштейн), это характеризовалось как экономический детерминизм, а сформулированную таким образом объективность экономических законов как порождающую фатализм [12, 31]. Сегодня более, чем когда либо, понятно, методология, основанная на логике одного критерия общественного развития, недостаточна для понимания всего многообразия действительности. В качестве главного объекта исследования она избирает абстрактный, классово-поляризованный социум без его разграничения «по различным (расовым, национальным, племенным, родовым, земляческим и др.) признакам.» [20, 3]. В результате, из поля зрения выпадает проблема фиксации состояния экономических отношений в их функциональной взаимосвязи со специфическими условиями существования

человека в том реальном мире, который его окружает. Но общественная же практика доказала, что не будучи в состоянии в достаточной степени объяснить закономерности хозяйственно-культурного порядка, экстерриториальные и наднациональные методы лишены реальной созидательной силы. Они отстраняются от таких явлений как традиции и психология, ценностные установки и поведение людей, которые выступают в качестве строительных блоков для моделирования национальной экономики.

Бесспорно, главным теоретическим противовесом для экономически детерминированных догм выступает старая и новая немецкая историческая экономическая школа, основоположником которой по праву считается Фридрих Лист (1789-1846). В своём главном произведении «Национальная система политической экономии» Ф.Лист обосновывал идею о невозможности создания общезначимых экономических законов в силу различий в «...национальной природе каждого народа» и выдвинул в план исследования хозяйственных процессов понятие «дух нации», включающий в себя социальные, нравственные, религиозные качества людей. Всё это приводило его к выводу о том, что нация представляет собой «...существенную промежуточную ступень между индивидом и миром как целым» и что она естественным образом объединяет «...своих членов патриотической связью» [14, 152]. Эти связи создают совокупность общественных условий в виде единства нации, которое является основным условием национального благополучия там, где частный интерес подчиняется интересу национальному и где целый ряд поколений преследует одну и ту же цель. Речь идёт о нацеленности экономического развития в той или иной стране, которая меняет прерогативы в зависимости от требований времени (у Листа - это становление частной промышленности в объединяющейся Германии периода его творчества), но не теряет свой главный ориентир в виде национальных интересов, достигаемых «национальной ассоциацией производительных сил».

Выдвигая своё учение о национальной экономии Фр.Лист предпринял серьёзную и долгосрочную альтернативу против «классической космополитической экономии», к которой он относил все классические ортодоксальные течения в экономической теории. С ним, да и всей немецкой исторической школой, особенно такими её представителями как Макс Вебер (1864-1920) и Вернер Зомбарт (1863-1941), связано появление широкой трактовки предмета экономико-теоретической науки в тесной связи с политикой, правом, историей, своеобразием духовной культуры народов. Например, причины экономических успехов США в начале прошлого века и отсутствие здесь «социализма марксистской чеканки» В.Зомбарт объяснял тем, что «нигде более отдельный человек не связывается так непосредственно и постоянно с величием своей страны» [9, 21]. Общий прогресс страны В.Зомбарт объяснял с «отождествлением себя с нацией, государством» (can make progress only by identifying itself with State). Это, по его мнению, приводит к усилению центростремительных сил, «ведущих к утверждению и признанию национальной и политической общности», в то время как «классовое обособление, классовое противопоставление, классовую ненависть и борьбу» автор характеризует как «центробежную силу». В данном плане примечательны экономические воззрения Г.Шмоллера с их особым акцентом на роль хозяйственного «этоса» («ethos»)- обычай, нрав). Согласно его

мнению, процесс экономического развития заключается в постепенном подчинении моральным и правовым нормам всех отношений между людьми, что по существу, предшествовало постановке вопроса о «институциональной среде», не приемлющей тезиса об однообразных хозяйственных порядках у разных народов. Это же в дальнейшем доказывал В.Рошер, утверждая, что «экономику следует рассматривать как часть национальной культуры – как хозяйственную культуру» [8, 134].

В экономико-теоретическом анализе с привлечением национальных факторов принципиальное значение имеет вопрос о том, является ли создаваемая ими специфика экономических отношений следствием отражения (обратной связи) уже заданных системных принципов или же они в идентифицированном виде входят в природу экономических форм с самого начала, как момент их генерации. По существу, это есть проблема видоизменения общего качества (модификации), с одной стороны, и видовой оригинальности экономического организма, с другой. Модификация в сложившемся стереотипном мышлении предполагает наличие «всеобщих экономических законов», предписываемых отчуждённым от каких-либо местных, региональных и, тем более, национальных черт, способам производства. По отношению к этим законам все видоизменения в производственных отношениях, вызванных пространственными обстоятельствами, объявляются формальными, вторичными, сопутствующими, преходящими. Вот как это преподносилось: «модификацией экономических законов под воздействием территориально-национальных факторов является всегда временное, преходящее, означающее более или менее длительное изменение, носящее в большинстве случаев обратимый характер» [10, 53]. По существу, к местным особенностям складывалось отношение как к отклонению от нормы. Сама же норма, в свою очередь, преподносилась в виде экономических законов и категорий, выводимых абстрактно-дедуктивным методом, отягощённом к тому же классово-идеологическими предрассудками. Проблема заключается здесь даже не в формах или методе абстрактного анализа, а в том, что её результаты стали принимать характер императивных практико-политических и хозяйственных действий в порой различных условиях жизни и развития отдельных народов. В противовес такой инвариантности в логике марксизма, развивались идеи национальной экономической теории с их акцентом на изучение конкретно-производственных параметров стран во взаимном переплетении экономических, национальных, моральных и психологических данных. Великой заслугой Ф.Листа было то, что он впервые поместил экономическую теорию в национальный контекст, исследуя хозяйственные процессы в пределах «множественности природных и культурных» обстоятельств. В процессе хозяйственного развития, в частности, меняется значимость отдельных факторов производства (земля, труд, капитал), что не должно вызывать, согласно точке зрения одного из видных российских приверженцев идей Ф.Листа, - графа С.Витте, - пренебрежения традиционными связями. Именно, благодаря им, экономические принципы «получают видоизменения, соответствующие различным национальным условиям» [14, 261]. Как видно идеи национальной экономики не отрицают наличия общих экономических тенденций общественного развития, прежде всего в виде стадийных типов производства. Не случайно, что и сам Ф.Лист, а также К.Бюхер, и Б.Гильдеб-

ранд придавали большое значение периодизации стадий хозяйственного развития. Как ни парадоксально, но отсюда исходил их тезис о невозможности создания универсальной экономической теории для народов, находящихся на различных этапах своего развития. Отдельные стадии развития и относимые к ним понятия должны получать, по их мнению, подтверждение в экономической практике народов. Ф.Лист, например, предлагал следующий метод исследования - не решать вопрос о том «рынок или не рынок», «протекционизм или свобода торговли», а выяснять, какими путями и каким образом развивать рыночные отношения в конкретной стране. Это необходимо чтобы при соприкосновении с более развитым в рыночном смысле миром не утратить хозяйственного и промышленного суверенитета, национальной независимости, для чего «прежде всего нации нужно завоевать для себя свои отечественные рынки» [14, 165]. По существу, здесь речь идёт о приоритете национальных экономических интересов перед утверждающимися экономическими принципами и преодолении их оценки с позиций экстерриториальной «прогрессивности». Как видно, нельзя считать, что в теории национальной экономики отсутствуют абстрактные категориальные выражения экономических процессов. Отличие заключается в ином - вместо логики понятий (отсюда и критика «понятийных экономистов» у целого ряда и более поздних экономистов [18, 40-47]), когда «чистые» категории полностью вытесняют восприятие конкретных явлений, предлагается отражение в экономических категориях хозяйственных процессов, происходящих в том или ином экономическом пространстве и в тот или иной отрезок времени. При этом уже известные или возникающие экономические формы (их категориальные обобщения) будут выступать в различном содержании и комбинации. Можно сделать вывод о том, что формы вне условий - метод марксизма, а условия в формах - метод национальной экономической теории.

Формы вне условий - есть отражение логики отвлечённых от реального бытия категориальных построений, а условия в формах - эволюции складывающихся в определённых социально-экономических условиях производственных процессов. В том случае, когда в качестве «строительного материала» теоретического построения используются исключительно абстрактные категории, появляется возможность манипулирования ими в широком пространственном и стадийном промежутке, сопровождаемом игнорированием своеобразия места и времени, к которому они причастны, конкретной специфики отдельных стран и народов. Построенная на основе подобной теоретической конструкции экономика, по образному определению, напоминает «дом без фундамента» [2, 12]. Лишённая ментальных начал идентификации, экономика отдалается от субъектных интересов и может управляться при тотальном внедрении идеологических клише классовых или партийных интересов как ведущих, основных, стоящих над интересами личности. В результате, неизбежны попытки создания людей - гомункулов («советский человек»), отворачиваемых от сформированного веками генетического кода национального развития в особом природном, духовном, национальном окружении. Это окружение, среда, складывают реальность адаптированного бытия и выдвигают критерии селекции тех хозяйственных отношений и форм их организации, которые в наибольшей мере соответствуют экономическим интересам и создают естест-

венную базу для их ассоциированного выражения. Процесс ассоциирования единичных интересов приобретает множество форм, сочетание которых в каждом случае определяется связью хозяйственных явлений с традиционной духовной жизнью людей. Эти формы со временем закрепляются, приобретают характер или правовых законов, или неписанных правил поведения. Выведение хозяйственных связей из адаптированных форм поведения и взаимодействия людей согласно их экономическим интересам объективно предполагает взаимодействие формальных и неформальных институтов. При этом экономические интересы выступают исходным и решающим началом для институционального оформления хозяйственной жизни.

В ходе эволюции каждого общества присутствуют мега-тренды, обозначающие общечеловеческие способы приспособления к окружающей среде и организации общественного производства (разделение и кооперация труда, формы собственности, фазы воспроизводства). Они имеют интерактивное значение и закрепляются формальными институтами в стадийной типологии экономики. Но вопрос о том, какие институты, в какой форме, комбинации и когда утвердятся в условиях того или иного общества иницируются уже экономическими интересами людей, их ассоциативных групп, охватывая всех членов социума - нации. Связано в первую очередь, с тем, что «отношения (индивида) к вещественным ценностям, равно как и к другим людям, никогда не остаются одни и те же, а географически и исторически непрерывно меняются» [6, 19]. В этой изменчивости возвращаются неформальные институты, приводящие экономические закономерности всеобщего (мега-тренд) плана в согласование с реальной обстановкой среды. В результате этого складывается зависимость эволюции институтов от однажды избранной траектории который на каждом этапе развития народов приводит к тому, что индивидуальный «интерес завершается определенным объективным целым и воплощается в нем» [5, 20].

Таким образом, формальные и неформальные институты группы должны органически взаимопроникать для обозначения и реализации национальных экономических интересов. Формализация отношений вне их идентификации приводит к апеллированию в экономической теории абстрактными, оторванными от реальной жизни категориям и законами. Посредством их человек фиксируется лишь в качестве субъекта производства и, соответственно, потребления материальных благ, для сущностной характеристики которого следует «отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях» и «сводить их к интересам определенных классов» [13, 532].

Классы, как социальные группы людей, разделённые по принципу отношения к средствам производства, по своей природе не служат национальным интересам. А всё, что не служит этим интересам прямо или косвенно теряет свою созидательную силу, поскольку лишает человека его естественных условий бытия, устремлений, деятельности. С этой точки зрения «класс» можно квалифицировать как исключительно формальный институт, не приемлющий национальной формы. Но он не единственный в таком роде. В современном мире распространяются институты глобализации, миграцию и трансплантацию которых также нельзя считать соответствующими национальным интересам. Их объединяет почти одинаковое не восприятие неформальных институтов идентификации экономики как национальной.

Постсоветская переходная экономика оказывается, таким образом, как бы на перепутье между системами, каждая из которых по-своему отрицает интеграционные и целевые ориентирующие качества национальных экономических интересов. Отрицание осуществляется посредством выдвижения на первый план исследовательской задачи классово-интернациональные или глобально-цивилизационные, но всегда формальные, по сути, экономические институты. Однако отсюда ни в коей мере нельзя делать вывод о возможности решения проблем национального экономического развития на базе исключительно неформальных институтов, поскольку в таком предположении был бы утерян динамизм современной системы интересов с её закреплением прав и обязанностей людей между собой и обществом. Две группы институтов только в диалектической взаимосвязи могут обозначать предпосылки факторов, а вместе с тем и концептуальных подходов к исследованию национальных экономических интересов. Применение в подобной концепции синергетических методов исследования, поэтому, абсолютно необходимо. Другим важным моментом институционального согласования интересов выступает социальная ориентация экономики с выбором человека в качестве исходного пункта исследования и субъектного адреса производства. Именно в силу этого непреходящего условия концепция национальных интересов характеризуется как национально-либеральная, широко использующая методы анализа, выдвигающие индивидуальный экономический интерес в качестве первоосновы институционализации хозяйственных связей. В силу этого концепцию можно определить и как национально-институциональную, безусловно сохраняющую своё либерально-рыночное качество. В данном случае институты, как формы абсорбции интересов людей, выступают именно как либеральные, обеспечивающие в современных условиях первенство прав и свобод личности. Одновременно возникает и другая общеметодологическая проблема расширительной трактовки предмета экономической теории. Чрезвычайно плодотворным и отвечающим духу перемен можно считать мнение о расширении предмета экономической теории, связанному с двумя моментами: за счёт самой категории «институт» (имеется в виду совокупность понятий, которыми оперирует институциональная теория) и вовлечением в анализ различных социально-культурных факторов, воздействующих на сознательно-психологические аспекты поведения человека. Связано это, прежде всего с тем, что «экономизм», абсолютизация собственно экономического фактора в сравнении со всеми остальными, порождает универсализм и редукционизм, позволяющие свести все своеобразие и многогранность хозяйственной жизни различных человеческих обществ к единой, упрощенной и ограниченной потребительской схеме. Построенная таким образом система экономических законов и категорий как внутри самого себя, так и в сферах своего воздействия неизменно превращается в мало динамичную и неэффективную конструкцию. Нет ничего более ошибочного, чем представлять экономическую систему, как, впрочем, и любую другую систему, жестко детерминирующей поведение составляющих её элементов. Но именно подобное происходило в теории и практике марксистско-ленинского учения, где поиск «решающих и определяющих» категорий приводил к законам смены способов производства без достаточных для этого предпосылок в конкретных исторических условиях. В этом заключается

противоречие, нашедшее, в частности, выражение в утверждениях о множественности путей и форм перехода к социализму отдельных народов, но единого образа производственных отношений для всех случаев уже при зрелом состоянии социалистического общества. Однако, если существуют исходные предпосылки, специфицирующие переход к какому-то качеству, то они этим качеством должны не разрушаться, а вбираться и воспроизводиться. В противном случае указанное качество искусственно и в перспективе обречено на отмирание.

Из прошлого в настоящее и будущее переходят обычаи, традиции, хозяйственный опыт, структура потребления, формы распределения, поведенческие стереотипы. Формальные институты допускают резкую одномоментную ломку (в периоды революций), тогда как неформальные меняются не так быстро. На это обращает внимание Д.Норт, когда пишет, что «российская революция в октябре 1917 г. стала, возможно, самой решительной перекройкой всей институциональной структуры общества, которую только знала история. Но и она не смогла отменить множество прежних обычаев, привычек, стандартов поведения» [17, 6-7]. Такая же ситуация сохраняется в азербайджанском обществе, которое во многом традиционна и привержена наряду с современными веяниями и вековым обычаям. Игнорируя эти обстоятельства, перешагивая через них, экономическая теория превращается в схоластическую теорию. В ней мало видения действительности, нет институциональной характеристики конкретной экономики, а, следовательно, и нет базы для выделения теоретических основ национальных экономических интересов. В то же время, эти интересы содержательны с точки зрения выдвижения реальных целей развития общества и методов стимулирования экономического роста, определения характера проводимых преобразований и экономической политики, поиска социально приемлемых форм хозяйственной организации. Дело в том, что нации никогда не могут быть одинаковы, а потому их анализ неизбежно связан с учётом не полярной, а дифференцированной траектории эволюции.

В экономике страны, восстановившей свой суверенитет, указанная траектория призвана придать производственным процессам характерную структуру и динамичное качество. Вместе с тем, возникает вопрос: исходя из какого начала (исходного пункта) возможно построение социально-экономической системы в её соответствии национальным формам жизни и общемировым достижениям.

Национальная специфика является важнейшим компонентом формирования экономики с признаками адаптационной эволюции. Значимость учёта данного факта усиливается в той мере, в какой происходит взаимодействие научно-технических и технологических достижений с традициями и ценностными установками морали того или иного народа. Ведь объективные условия и факторы экономического развития определяются не только особенностями географического расселения людей, природно-ресурсным, демографическим или даже всем накопленным в обществе потенциалом, «но и, - как подчеркивает И.Г.Алиев, - состоянием духа народов и наций [1, 369]. Дух - это «основные побудители экономической деятельности», стоящие в одном ряду с институциональными рамками отношений между производственными агентами (права собственности, статус труда, роль государства) и совокупностью материальных способов (техника и технология), с помощью которых получают и транс-

формируют блага [7, 81]. Только в подобном формате может быть создан единый мотивационный, национально-заинтересованный механизм преобразований и роста производства, активизированы конкурентные преимущества в постсоветских странах, ярким примером чему служат социально-экономические успехи Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Ильхам. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003, 710 с.
2. Babayev Ə.P. Müasir iqtisadi nəzəriyyənin metodoloji əsasları // İqtisad elmləri: nəzəriyyə və praktika, Bakı, 2004, № 3-4, s.10-27.
3. Барр Р. Политическая экономия: В 2-х т. т.1. Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1994, 644 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990, 808 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1972, 325 с.
6. Гильдебранд Б. Политическая экономия. Настоящее и будущее. (пер. с нем. М.П.Щепкина). СПб. Типография В. Безобразова и компания, 1860, 280 с.
7. Градов А.П. Национальная экономика. 2-е изд.- СПб: Питер, 2005, 240с.
8. Дугин А. Теоретические источники нового социализма. Ортодоксия и гетеродоксия в экономической мысли. М.: Мысль, 2001, 244 с.
9. Зомбарт В. Почему в соединенных штатах нет социализма? Пер. с нем. СПб, 1907, 110 с.
10. Кузьминов Н.Н. Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. М.: Экономика, 1971, 326 с.
11. Курс политической экономии. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Н.А.Цаголова. М.: Экономика, 1973, 831с.
12. Курс экономической теории / Под общ. ред. Чепурина М.Н., Киселевой Е.А. Киров, 1994, 624 с.
13. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. ПСС, Т. 25, 646 с. (с. 255-320)
14. Лист Фр. Национальная система политической экономии. Там же – Граф С.Ю.Витте. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. М.: Европа, 2005, 341 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. 2-ое изд.соч. Т.3, В ПСС, 629 с. (с.7-544)
16. Национальная экономика / Под ред. П.В.Савченко. М.: Экономисть, 2005, 813 с.
17. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа.- Вопросы экономики, 1997, № 3, с.6-77.
18. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996, 344 с.
19. Радаев Д.В. Экономические интересы при социализме. М., 1971, 335 с.
20. Хазин Г., Добрич В. Глобалистика в марксизме // Экономические науки, 1989, № 3, с.4-13.
21. <http://www.polit.ru/research/2005/10/20/soto.html>

MİLLİ İQTİSADİ MƏNAFELƏRİN TƏDQİQİNƏ KONSEPTUAL YANAŞMALAR

H.B.RÜSTƏMBƏYOV

XÜLASƏ

Məqalədə sosial-iqtisadi inkişafın aparıcı qüvvələrinin müəyyənləşdirilməsinə dair müxtəlif konseptual baxışlar müqayisə edilir. Analitik təhlil nəticəsində milli iqtisadi mənafelelərin uğurlu islahatlar, bütövləşmiş təsərrüfat sistemi, rəqabətimkanlı istehsal yaratma imkanları aş-

kar edilir. Bu proseslərdə formal və qeyri-formal institutlaşmanın əhəmiyyəti xüsusi vurğulanır. Milli iqtisadi mənafehlərin sistem yaratma potensialı ilə yanaşı, ölkənin iqtisadi inkişafında özünəməxsus xüsusiyyətlər əldə etməsində rolu şərh edilir.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE NATIONAL ECONOMIC INTERESTS

B.H.RUSTAMBAYOV

SUMMARY

The article compares the different conceptual approaches to the characterization of the driving forces of socio-economic development. Analytical review can come to conclusions about the potential and effectiveness of national economic interest in the transformational change, socialization and the formation of a competitive economy. Thus, considerable attention is paid to the interaction of formal and informal institutions, as well as measures to ensure the identified national economic self-development.